

Лимонов Эдуард

29.9.00г.

ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ ГЕРОЯ

Эдуард Лимонов всю жизнь пишет о себе. Сам себя придумал, и сам в придуманного себя поверил, превратился в собственный персонаж, шагнул в нарциссическое зеркало своего текста. Там и обитает, экстравагантный, вызывающе одетый, пленяющий девочек-подростков в свои плюс-минус шестьдесят. Воинственный вдобавок. Году в 94-м один мой провинциальный приятель, отчаянный поклонник “Эдички”, удостоившись очной ставки со своим кумиром, ошеломленно повторял: “Боже мой, да он старый...” Лимонов в его представлении был вечно молодой, с незаживающими суицидальными стигматами и как минимум пистолетом — лучше, конечно, с АК. Так злоупотребление автобиографизмом и искусство имиджа загоняют в ловушку — вы более не человек. Вы герой, артефакт, икона или пугало.

Мемуарная “Книга мертвых”, разумеется, снова о Лимонове, хотя заявлено — что про его личных мертвецов, про тех, кто составлял в разное время среду его обитания или светился в лучах его славы. Предисловие, разумеется, циничное: человек жалеет мерт-

вых, потому что жалко себя, смертного, человек боится смерти. Лимонов свое пожил, умирать не боится, в смерти видит заманчивое авантюрное обещание, и никого ему не жаль. До встречи в Валхалле! — но Лимонову нужны деньги (зачем — секрет), и он заставит своих мертвецов на него поработать.

Мертвец покладист, в суд не подаст и морду не набьет — так что в выборе рабочей силы автор не просчитался. Иосиф, например, Бродский: посредственный ленинградский поэт, но с хорошей деловой хваткой, попал в струю, раскрутился. Скучнейший был человек. Тогда почему именно Бродского выбрал себе Лимонов в пожизненные соперники? Или Венедикт Ерофеев. “Петушки” Эдуарда Вениаминовича не впечатлили, о самом покойном он вспомнить толком ничего не может. Но будто бы кто-то Лимонову рассказывал, что ему Ерофеев рассказывал, что они с Лимоновым когда-то подрались. Вывод: Ерофеев завидовал, хотел хоть как-то примазаться к чужой скандальной славе. Врал при этом, конечно, — Лимонов с ним не дрался. И вообще Ерофеева ему жалко, жизнь у Ерофеева была неяркая.

Есть, с другой стороны, мертвецы хорошие — те, у кого жизнь была яркая. Сербский полевой командир Аркан, боевик НБП Костя Локотков. Автор не стыдится *гнузностей*, он ими щеголяет — так и я не устыжусь предположения *гнузного*. Хорошие мертвецы хороши для Лимонова потому, что ему не конкуренты — не литераторы, не фигуры артистической богемы, не звезды. И еще предположение, *гнузнее* прежнего, — не вышло из Эдуарда Вениаминовича харьковского бандита, как мечталось в отрочестве, оттого и тяга его к брутальным и полупреступным персонажам.

Лимонов назойливо намекает, что ему всю жизнь завидовали. Зависть чернейшая при этом сквозит в его собственных мемуарах. Одна, но пламенная страсть: быть самым талантливым, самым ярким, самым экстравагантным — любой ценой. Логика эта — “любой ценой” — Эдуарда Вениаминовича вела всю жизнь, толкала на эпатажные откровения, диктовала ему книги и выходки как единственная муза и наконец довела. Дальше некуда.

Дмитрий ТКАЧЕВ.

МК Бумбар — 2000 — 29 сент. — с. 59.